

исполнителей главных ролей, до актеров, играющих небольшие эпизоды. Это одна из наиболее характерных черт Леонида Гайдая как режиссера.

В одном из журналов недавно поместили фотографию с конгресса по изучению проблем смеха (есть и такие). На лицах ученых мужей не было и тени улыбки. Автор снимка не пожалел иронии по этому поводу. Мне очень захотелось взглянуть на него на съемочной площадке сегодня, сейчас, что бы он увидел, какое это мучительное дело «рождать» добрую человеческую улыбку. Я хотел, чтобы он вместе со мной испытал то самое «до» и совсем непохожее «после».

Шел уже третий час спора в гостинице городничего. Спорили все о том же эпизоде, который чуть меньше минуты экранного времени.

Н. СЕРГЕЕВ.

На снимке: кадр из фильма.
Добчинский — Л. Харитонов.
Вобчинский — О. Анофриев.

Фото В. КОВАЛЬСКОГО.

Что вы испытываете, когда идете в кинотеатр «на Гайдая»? Естественно, радостное предвкушение приятной встречи с человеком, который так и не появится на экране.

В этот раз, я тоже шел на Гайдая, только не в кинотеатр, а в один из павильонов нашей студии. В киноведческой литературе уже не один год быются над тем, чтобы более или-менее конкретными словами обозначить творческий метод Леонид Гайдая. Нет, я не ставил перед собой задачи внести свою лепту в это благородное дело, хотя простое человеческое любопытство, как делать смех, не покидало меня весь день, проведенный на съемочной площадке. Когда идешь на фильм Гайдая, бывает «до», выходяшь из кинотеатра начинается «после». Эти два понятия служат для зрителя верным намертоном, определяющим его отношение к тому или иному режиссеру, т. е. что ожидал и что увидел.

Я тоже постарался разделить все на «до» и «после». Скажу откровенно, приятно писать репортаж со съемочной площадки, когда снимают комедию. Чем смешнее эпизод, тем непосредственной атмосфера в павильоне, бери блокнот пиши детали. А что говорить о Гайдае, у которого что ни кадр, то юмор... Я готов был погрузиться в бездну приятных улыбок, но это были несбывшиеся предположения «до», до того, как попал на съемочную площадку фильма «Инкогнито из Петербурга». Нет, почему же, смеялись, и довольно громко — в перерывах — во время съемок было не до смеха, по крайней мере Леониду Гайдаю.

Сегодня снимали дом городничего, после хрестоматийной фразы «К нам едет ревизор». Почтмейстер (Л. Куравлев) просил городничего (А. Папанова)

не учить его вскрывать письма. Просил несколько раз и все по-новому. К третьему дублю и Куравлев, и Папанов были довольны: «Ну как, Леонид Новович, кажется, получились?» «Здорово! — Гайдай похлопал себя от удовольствия. — только не смешно. Давайте все сначала». Когда хлопושка отсчитала еще три дубля, прозвучала команда: «Стоп — это то, что нужно». На первый взгляд все шесть дублей были почти одинаковыми, но в этот момент Гайдай походил на композитора, который упорно ищет чистое звучание одного и того же аккорда, того самого звучания, что иногда не в силах уловить даже самый утонченный любитель музыки. Может быть, такое сравнение, казалось бы, натянутым, не будь здесь сразу же другого эпизода. Он казался поначалу очень простым, этот этюд, да и было в нем всего несколько слов, когда судья (актер Кузнецов) обращается к почтмейстеру и городничему с маленькой репликацией: «Ох, смотрите, братцы, достанется вам», а потом, наклонившись к плечу Папанова, доверительно сообщает: «А я хотел вас попочевать шенками».

«Давайте репетировать, — Гайдай приник к глазку камеры, — Нет, что-то не то, где-то внутренний разрыв, почему, почему он предлагает ему щенков?» — и Гайдай заходил в задумчивости по гостини городаничего, между почтмейстером и судьей, а они, откинув фалды фраков, устранились поудобней в старинных креслах, тоже пытались дать мотивировку действий соучастнику своих темных делишек. Городское со-

бране сидело, в задумчивости до тех пор, пока Владимир Кузнецов не принес из-за декораций портфель с томиком Гоголя. Роль есть роль, и поэтому он как судья был склонен к букве закона. «Вот, — Кузнецов залистал страницы книги, — здесь же ясно, что судья не такой, как все, его хата с краю, они взяточники, а он, простите, берет только щенков в подарок».

«Господа, господа! — зашумел почтмейстер, недоуменно пожимая плечами, — давайте снимать, эпизод проходной, чего голову ломаем».

Да, это был действительно проходной эпизод, меньше минуты экранного времени, и я все же. «Нет, я с вами не согласен. — Папанов откинулся в кресло. — Это же просто человек «зануду», у нас ревизор, а он со щенками».

Репетировали еще раз. Гайдай поочередно был то городничим, то судьей... Но что-то не клеилось: мизансцены повисали в воздухе. «Ну, давайте снимать», — устало повторял Нуралев, — а то Невинного позвоните, он в момент все решит».

«Да перестань ты, Ленья», — повернулся к нему оператор Сергей Полуянов, захлопнув сценарий. «А что, идея, зови-те Невинного». — Гайдай впервые за семь часов оживился. Почетный богоугодных заведений вошел в гостиную, затоптался на месте и недоверчивым голосом Невинного произнес: «Розыгрыши я, конечно, люблю, но попадаюсь на них редко». Невинный остановился столбиком, постоял с полминуты молча, потом вдруг быстро заговорил о съемочной группе, о «Мосфильме», о чем-то еще, и все узнали, узнали сразу голевского героя в современной

интерпретации, который в своейственной ему манере заговорил не о войне с турками, а о проблемах сегодняшнего дня. Вот так, совсем неожиданно повернулся этот эпизод, и, может быть, иной зритель, сидя в зале, узнает себя в гоголевском персонаже. Сатира беззуба, когда ее стрелы летят без адреса, но любой комедийный режиссер знает, какое нелегкое дело дать ей точный адресат. Может быть, не стоило так подробно с документальной точностью воспроизводить весь съемочный день. И все же эти штрихи, порой незаметные детали лучших каких-то хрестоматийных определений передадут состояние творческого поиска. Творческого поиска, в котором участвуют все, от режиссера и

